

<https://helda.helsinki.fi>

---

pÿ 5 A 8 < < 5 B @ 8 G = K 9 1 8 ; 8 = 3 2 8 7 < C < > ; > 4 K E @ > A A 8
pÿ 2 5 @ < 0 = 8 8

Meng, Katharina

pÿ ! 0 @ 0 B > 2 A : 8 9 8 A B > G = 8 :
2018

---

pÿ Meng , K & Protassova , E 2018 , 5 A 8 < < 5 B @ 8 G = K 9 1 8 ; 8 = 3 2 8 7 < C < > ; >
pÿ = 5 < F 5 2 2 5 @ < 0 = 8 8 . in 0 7 0 @ > 2 0 & " ! ? 8 @ 8 4 > = > 2 0 (eds) , = > A B
pÿ : > = B 5 : A B 5 < 5 6 : C ; L B C @ = > 9 : > < < C = 8 : 0 F 8 8 : X 5 6 4 C = 0 @ > 4 = > 9 : > = D 5 @
pÿ « = > A B @ 0 = = K 5 O 7 K : 8 2 : > = B 5 : A B 5 < 5 6 : C ; L B C @ = > 9 : > < < C = 8 : 0 F 8 8 » (2
pÿ 3 > 4 0) . ! 0 @ 0 B > 2 A : 8 9 8 A B > G = 8 : , Saratov , pp. 72-81 , = > A B @ 0 = = K 5
pÿ < 5 6 : C ; L B C @ = > 9 : > < < C = 8 : 0 F 8 8 , Saratov , Russian Federation , 21/02/
<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35388968> >

<http://hdl.handle.net/10138/326405>

---

publishedVersion

Downloaded from Helda, University of Helsinki institutional repository.

This is an electronic reprint of the original article.

This reprint may differ from the original in pagination and typographic detail.

Please cite the original version.

объявления начала поединка они – «рефери». При исследовании индивидуальных различий мы выяснили, что различия на лексическом уровне влияют на имидж, создаваемый ведущими, т.е. женщина предстает «хозяйкой», а мужчина – «своим парнем», таким образом, увеличивая охват аудитории.

Список использованной литературы

1. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М, 2008.
2. Клюев, Е. В. Речевая коммуникация: учебное пособие для университетов и институтов. М, 2002.

Катарина Менг

Институт немецкого языка, Мангейм, Германия

Екатерина Протасова

Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндия

УДК 81'243: 801.1 + 811.161.1+ 112.2 + 111

НЕСИММЕТРИЧНЫЙ БИЛИНГВИЗМ У МОЛОДЫХ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ГЕРМАНИИ

Настоящая статья посвящена результатам сохранения, аттриции и потери русского (первого) языка среди российских немцев второго или полупотомного поколения, иммигрировавших в Германию, спустя почти 25 лет после приезда в эту страну. Это часть лонгитюдного исследования языковой интеграции этой группы. Статья обсуждает последствия различных типов погружения в доминирующий немецкий язык.

Ключевые слова: *российские немцы в Германии, поддержка русского языка, аттриция, второе поколение иммигрантов, языковые траектории, образование на недоминантном языке*

The present article examines the results of Russian (first) language maintenance, attrition and loss of Russian among second or 1.5 generation Russian Germans immigrated to Germany after almost 25 years of their sojourn in this country. It is a part of a longitudinal study of the linguistic integration of this group. The article discusses consequences of different types of immersion into the dominant German language.

Keywords: *Russian Germans in Germany, Russian language maintenance, attrition, second generation of immigrants, language trajectories, education in non-dominant language*

В настоящее время нам известно довольно много о том, как развивается одноязычие и многоязычие. Однако мы все еще не имеем четких ответов на вопрос У. Вайнрайха [Вайнрайх 1972: 51] о различном речевом поведении двуязычных носителей: они по-разному владеют языками, одни легче переключаются, другие труднее (и не понятно, это способность или результат тренировки), ведут себя по-разному, двуязычие меняется со временем. Способности к изучению языков разные, и связь с родным языком не всегда однозначна.

Согласно Д. Камминсу [Cummins 2000], на базовом уровне поверхностные умения общаться оказываются сравнительно легкими для

усвоения, особенно в случае рецептивного билингвизма, т.е. когда домашний язык в значительной мере сходен с языком обучения. Коммуникативно одаренные люди могут приобрести такие навыки в общении с носителями языка примерно за два года. Однако для развития когнитивно-академических умений, т.е. для продвижения школьной успеваемости по различным предметам, требуется значительно больше, от 5 до 7 лет, чтобы нагнать по языку своих сверстников и начать справляться со стоящими в обучении задачами. Учителя не всегда отличают одно от другого. В случае, когда общая знаниевая база выработана для первого по времени усвоения языка, возможен перенос навыков во второй и третий по времени усвоения языки. Если база сформирована до момента иммиграции, возможно, интеграция произойдет легче, в частности, этому способствует всестороннее обильное чтение и обсуждение разнообразных тем на первом языке, в том числе и связанных с содержанием, которое проходят в школе на втором языке. Например, нужно понимание абстрактных понятий, которые очень трудно объяснить, если это происходит на новом языке. Это не означает, что им должны даваться когнитивно упрощенные задачи, речь идет о постепенном вовлечении в общий ритм обучения. Аддитивным билингвизмом называется такой, при котором первый язык продолжает развиваться, а первая культура высоко ценится, но к нему присоединяется второй язык и культура; при субтрактивном билингвизме второй язык вытесняет первый язык и культуру. Часто бывает так, что первый путь ведет к большим успехам, чем второй. Это не всегда осознавалось иммигрантами.

Большое количество исследований в последнее время посвящается иммигрантской молодежи. То обстоятельство, что подростки находятся в возрасте, когда нужно активно и увлеченно учиться, должно стимулировать их к овладению языком окружения, на котором можно получить хорошее образование. В частности, показано, что их поведение, отношения и познавательное развитие влияют на успеваемость, т.е. личный компонент в обучении нельзя недооценивать: из активных, завязывающих контакты, осознающих стоящие перед ними задачи молодых иммигрантов получают более успешные люди [Kim, Suarez-Orozco 2015]. Соображения такого плана в большей степени могут влиять на процесс интеграции, но они связаны и с комфортным самоощущением, которого можно достичь, чувствуя себя компетентным учащимся.

Настоящая публикация является продолжением проекта, реализуемого нами в течение четверти века [Meng 2001; Менг, Протасова 2015]. Нашей целью было показать, как происходит языковая интеграция российских немцев – репатриантов – в Германии. Взяв в качестве объекта исследования семьи, приехавшие в Западную Германию преимущественно из Казахстана в начале 1990-х, мы сосредоточились на тех из них, в которых были маленькие дети. Сегодня мы представим второе поколение одной такой семьи (двух сестер и их детей) из нашего лонгитюдного исследования – спустя почти четверть века после переезда [Meng,

Protassova 2016, 2017]. Трое детей приехали в дошкольном возрасте, двое родились уже в Германии. Все владеют немецким языком на достаточно высоком уровне, получили или получают образование в престижной гимназии или университетах. Нам было интересно узнать, насколько сохранен или в какой степени сформирован их русский, сегодня уже не первый язык. В январе 2016 г. мы побеседовали с ними по-немецки и по-русски. Полуструктурированное интервью занимало от 15 до 40 минут. Кроме того, участники проходили С-тест, связанный с их компетентностью в немецком языке. В групповом интервью с родителями и бабушкой выявлялись культурно-речевые практики, характеризующие жизнь семьи сегодня. В репликах большие буквы указывают на нестандартное ударение в словах.

Общим для всех участников было то, что немецкий язык играет ведущую роль в их жизни. Они разговаривают с друзьями и в семье в основном по-немецки, редко по-русски, и в таких случаях исключительно с мамами и бабушками. Каждый справляется с поддержанием беседы на русском. У всех в речи есть немецкий акцент. В повседневной жизни русская культура присутствует прежде всего в виде еды. Если включено российское телевидение, то молодые люди могут увидеть какие-то передачи и фильмы. Из мультфильмов помнят «Ну, погоди!», некоторые еще «Чебурашку», «Paragei Гену» (контаминация названий), один человек знает «Машу и медведя». Родители слушают русскую музыку, младшее поколение почти нет. Из знаменитых русских людей знают Путина, из писателей Пушкина и Толстого, из российских немцев – царя Николая Второго и Хелене Фишер, у которой есть шоу на телевидении. Рассмотрим речевую компетенцию участников по отдельности, от старшего информанта к младшему. Все считают, что *фамилия* – это ‘семья’ (как в немецком). Вставляют такие немецкие слова, как *also*, *aber*, *oder*, но так делали (и продолжают делать сейчас) их родители, и так же произносят на смешанном языке названия немецких городов *МанхАйм*, *Хамбург*, называют бабушку и дедушку по традиции *Ота* и *Ора*.

Светлана переехала из Казахстана («с Джамбула») в Германию в возрасте, когда первый (русский) язык был практически сформирован: *«Мне было семь года. Семь лет? Я не знаю»*, а теперь ей 30. Мы спрашиваем, может ли она переходить с языка на язык и когда это бывает, и она отвечает: *«Да, я думаю, что это могу. Бывает, если здесь в Германии... у мамы была подруга из Москвы. Здесь, не этот год... Последний год. Тогда я разговаривала с ней по-русски. Или не знаю, если мы путешествуем, там надо говорить по-английски или английский тоже не проблема»*. У нее нет русских друзей, *«они все немцы почти что»*, т.е. среди них есть и российские немцы, и другие иммигранты, но выросшие в Германии. С ее точки зрения, родители и бабушки считают, наверное, что она говорит по-русски хорошо, но мало; если она говорит по-русски, *«тогда они всегда говорят, что я очень хорошо могу говорить»* и только иногда исправляют ее речь. По-русски не знает слов *häufiger*, *jung*, *Anwaltskanzlei*,

Chinesisch, China, просит помочь перевести. Она может читать и писать по-русски, но «не так быстро», и читает почти хорошо. Не всегда легко читать газету, детские книги проще. Целей в изучении русского языка перед собой не ставит: «если бы у меня было время, может быть, но у меня так много надо других вещей учить, что для этого нет очень много время; русский – это тоже очень хорошо, чтобы его знать». Вообще хорошо знать много языков: «Я думаю, что если ты знаешь много других языков, тогда тебе будет легче в работе, потому что как здесь у меня, я знаю, что у больших /.../ юристов, что у них есть и партнеры в России, и поэтому это всегда хорошо, если у тебя какой-нибудь есть язык, который не все говорят /.../ Потому что у тебя там все говорят по-английски или французски или испански, у нас в Германии это почти что все учили. А если ты еще знаешь русский или японский, тогда ты знаешь что-то другое, может быть тогда, что ты получишь эту работу, потому что они думают: "А, нам надо сейчас русский"». Раньше она бывала «немножко в дискотеках, на русских дискотеках. Но не сейчас, больше нет. У меня нету больше друзей, которые говорят по-русски». Мы спрашиваем Светлану, чем она интересуется: «Я сейчас подумаю. Ну чтобы животным, чтобы животные не... не ... Ну чтобы их не кушали, чтобы их не одевали, чтобы... потому что я Vegetarier, и вообще может быть и уже скоро стану веган, и поэтому это я там очень актив/ активно... ээ». Себя Светлана считает только немкой; характер описывает так: «Ну, я люблю, если есть границы, если, если, ну, не знаю, если что все убрано, и что все так как-то не спонтанно. Но так это. Что я всегда все так знаю, что это сделано, это организовано, что-то такое, как-то». Она смотрит фильмы на русском языке, «потому что на русском они всегда будут уже как в Америке, и иногда я смотрю их на английском, иногда на русском», т.е. они быстрее появляются на русском, чем на немецком. Со своим молодым человеком она училась не в одном классе: «он был в одном выше, чем я». Если бы ее семья не переехала в Германию, она не стала бы юристом, не имела бы возможности учиться два раза, может быть, «была уже бы жената, потому что там немножко по-другому думают». Когда ее родители рассказывают о своей молодости, самым нереальным ей кажется, что там все так рано женились и с восемнадцати лет у них уже были дети. Когда у Светланы будут дети, они будут знать русский, наверное, от бабушки и дедушки, и, может быть, сама она будет на нем говорить, «может быть, и потом они в школе хотят тоже учить», и обязательно будут смотреть русские мультфильмы, потому что «немецкие такие всегда плохие какие-то». Во время учебы в университете провела целый семестр в России, но общалась в основном с иностранными студентами по-английски.

Сестре **Елене** на момент переезда было пять лет, сейчас 27. Она объясняет, почему это она привыкла говорить с родителями по-немецки: «Когда мы приехали сюда, они хотели, чтоб мы научимся по-немецки хорошо, и теперь я всегда говорю по-немецки». По-русски говорить иногда

трудно, она понимает «нормальные темы», «а в газете я не могу все понимать». Елене постоянно приходится обращаться за переводом немецких слов: *Männer, zwölf, Chinesisch, Sprache, als, ob, Auslandssemester, langsam, ihr, Freund, Maisstäbchen, ein bisschen, durch, kennengelernt, Dänemark, beides*, то есть в основном не может вспомнить простые слова, вернее, не может подобрать слово. В обратную сторону задержек не бывает, так, даже о квашеной капусте скажет, что это *Kraut*. Слова-теги типа *ja, nein, doch, aber* звучат по-немецки. В формах русских слов встречаются ошибки, например, *друзьи* (вм. *друзья*), *едУ* (вм. *ем*). Постоянно делает большие паузы. При чтении много пауз и нарушений, спрашивает, правильно ли читает буквы Ф и Д. У нее нет русскоговорящих друзей и не бывает ситуаций на работе, когда нужно говорить по-русски. Родные думают, что она может лучше научиться говорить, но сама она не любит напрягаться: «иногда у меня есть русской газеты. Но я читаю так медленно, тогда я не хочу уже». Сейчас она говорит по-английски лучше, чем по-русски, «потому что мы на работе очень много делаем только на английском», «мы там много считаем, анализируем». Елена не ходит на русские дискотеки, но с друзьями охотно проводит свободное время: «Я много делаю с друзьями, танцевать или в музеи, дискотеку». В быту сохраняются элементы русской культуры: «Вчера мы кушали фрукты и русские кукурузные палочки. Из русского магазина». Ей трудно перевести с немецкого слово *Tatort* ‘место преступления’: «Я не знаю. "Там были"? Это место, где убили, про зону». Когда она думает о себе, то определяет себя «больше немецки, чем русски, но тоже немножко русский или с Казахстана». В жизни она хочет «быть счастливой, хорошие друзья, хорошая работа, и работу любить» (окончания произносятся неустойчиво). Со своим другом она познакомилась так: «у нас друзья есть, с Цюриха, немецкие, и мы познакомились через друзья». Дети, как она считает, будут знать русский: «может быть, мама и папа и детский сад».

Эриху 25 лет, а в момент переезда было два года. Папа говорит с ним больше по-немецки, мама по-русски, но отвечает он чаще по-немецки, по-русски «немножко. Но мой по-русски нехороший», «Я не могу по-русски говорить хорошо». Есть друзья, которые могли бы говорить по-русски, «но они тоже говорить по-немецки». Не может читать по-русски: «у меня нету русский школы... Не было в школе. Не знаю». О своей работе сообщает: «Это зовут *compositing*. И я... Oh Gott! Я делаю эффекты в *Biene Maja*. И если в *Biene Maja* нехорошо сделали, я буду... Мне надо хорошо сделать». Один раз понадобился русский язык: «У нас было русский не *Musik, aber Audiospur, Audioton...*, русский аудио, и мне надо слушать и и на на по-немецки говорить... это было *für Mercedes, Mercedes Daimler*». С английским «не вот эти проблемы, как с по-русски». В жизни ему интересно «моя работа, моя фамилия, други». О том, что делал вчера вечером, говорит: «*Kochen. Was heisst kochen? Cooking...* готовил кушать». О себе говорит: «Я добрый», по-немецки это соответствует самоопределению *nett, sympathisch*. Подтверждением формульности речи

является фраза: *«У меня нету телевизора дома, Интернет тоже нету»*. Знает Серегу, русский *«Черный бумер»*. *«Мой... менталитет русский... как мама меня... [Воспитывала?] воспитывала, да, вот это»*. Если бы семья не переехала в Германию, *«я могу по-русски говорить хорошо»*. Родители иногда рассказывают о своей прежней жизни до эмиграции: *«Мой papa говорит и из своей... Jugend? Как... как он был... Um Gottes Willen... Kindheit?... [детстве], он говорит свой о детстве, что он делал, и не все было хорошо»*. Дети Эриха будут говорить по-русски: *«Да, это я хочу»*. Как именно – *«это я еще не знаю, но мо/ моя мама будет там говорить по-русски или я не знаю, какая подружка мне будет»*.

Элиза, которая родилась в Германии и которой почти 17 лет, говорит и читает по-русски естественно и свободно, без затруднений. Она учит русский в школе как третий иностранный язык, после английского и французского. В группе постепенно остались только четыре девочки, которые говорят дома по-русски, и они интенсивно работают на уроке, изучают Пушкина, а сама она выбирает дома книги попроще, которые ей раньше читала мама. Не может вспомнить, как сказать по-русски *Zeitdruck, Satz, Austausch, fremd*, но вспоминает, что *Rhythmus* – это ритм. Есть отдельные переносы из немецкого в русский: *учить для школы, пойти на университет, фильм шел в телевидении, большая фамилия, ему нужно это акцентировать* [в значении: ‘подчеркивать’]. О происхождении говорит: *«из Джамбула, Казахстан»*. Дома *«по-русски больше, я думаю. Но я часто тоже... Мы часто говорим, дети, по-немецки, а родители много на русском, все они говорят. Но papa часто тоже на немецком, а там бабушка много на русском, вообще-то»*, и ей это приятно: *«я люблю на русском говорить, и мне вообще язык очень нравится, и я тоже рада, что мы дома так много говорим на русском»*. Сама она смешивает языки: *«Я так перемешиваю немножко, also вообще-то часто тоже я иногда стараюсь тоже на русском с мамой, там, например, говорить, но часто я как/ какие-то там немецкие слова как-то там на русск/ на так как. Я... also gehen я геевалать, как-то так на русск/ да как-то не знаю перемешиваю немножко»*, и этому нет объяснения: *«Не знаю, я не думаю, просто говорю, и иногда такой перемеш там и всё»*. Русское слово иногда приходит в голову, когда она говорит с немецкими друзьями, обычно это какие-то названия блюд, растений, которые она не знает на немецком, а встречала в общении с бабушками и мамой. Бывает и наоборот, когда на контрольной не удается подобрать русское слово, хотя *«прямо вижу у меня это на языке»*, но иногда тяжело вспомнить. Есть много друзей, которые приехали из Казахстана или России, *«они там еще не так долго здесь/ здесь живут, и да, они also видно, что родители тоже еще also много только на русском говорят»*, с ними она говорит только на немецком, вставляя отдельные слова на русском. Элиза осознает, что не всегда все говорит правильно, но в целом ее мама и бабушка довольны тем, как у нее получается, а когда исправляют, благодарит. Временами ей трудно написать по-русски мало, хочется больше, но по правилам *«надо держать*

границу». О пользе языков рассуждает: «с английским языком ты *also* далеко можешь», многие знают французский, «я тоже думаю русский, потому что там все эти страны, как, не знаю, Польша или там Чехай, они очень похожи», «язык не мешает никакой». Элиза работает в кондитерской, и ей приходится встречаться с русскоязычной клиентурой: «даже сегодня была одна женщина, я сразу могла сказать, что она из России, потому что, не знаю, она как-то так выглядела, и акцент у нее был, и я сразу бы могла сказать, что она из России. Но я ничего не сказала, *also* у меня, по-моему, и не слышно, *also* если я по-немецки говорю, что, может быть, я могу по-русски говорить, но, не знаю, например, один раз такая ситуация была, в автобусе, там полный очень был автобус, и зашли одна, зашла одна пара, *also* ста/ там старики были, и они русские, я знаю, они где-то там у нас в районе живут. И я слышала, они говорят на русском, и никто из молодых людей не все не встал, и не предложил место им. Но я так спросила: "Хотите сесть?". Я на русском спросила, потому что я думаю, они не очень хорошо по-немецки могли говорят. И они так посмотрели сначала, и спасибо так сказали очень... Так было смешно как-то». Элиза ездила и на родину родителей (с семьей), и в Москву (по школьному обмену), и там она говорила много по-русски. На вопрос, было ли это ей странно, она отвечает калкой с немецкого, а затем объясняет, что похоже, а что разное: *Пойдет, вообще-то, но мне не так было ээ fremd? Мне слово also/ Мне было немножко как и дома, они там и варили борщ, например, и мы дома часто тоже борщ кушаем, или если русское телевидение они смотрели, папа часто тоже дома смотрит у нас, и да. Но, конечно, там Россия по-другому, чем здесь, в Германии, очень было интересно посмотреть, мне очень понравилось, тоже да и ну. Элиза одарена в музыкальном плане, она занимается музыкой, пением и танцами, знает много русских популярных песен с детства («иногда еще текст даже сейчас еще в голове сидит у меня»), а молодежных меньше, в русском клубе на танцах была только один раз. Смотрела русские фильмы, помнит их. Себя она считает хорошей, милой и славной, полагает, что ей недостает характера говорить «нет». О своей этничности говорит подробно: «Конечно, у нас в паспорте стоит, что мы немцы всё, я здесь родилась, и конечно я тоже не *also* немка, конечно, но где-то у меня в душе все равно русское есть, я не знаю, как-то, и если люди у меня спрашивают, ты *also* совсем немка, или там чистая немка, я всегда говорю, что да, я здесь родилась, но мои родители из Казахстана, и мы дома много говорим по-русски, и я даже думаю, что даже это, что мы много говорим на русском дома, и смотрим русские фильмы или русское телевидение, или варим тоже русскую пищу, и я думаю, что это много *also* действует как-то и на мою жизнь, или на, *also* как я чувствую себя, и, да, *also* я чувствую чего-то русское, не знаю, не совсем чистая немка». Она много раз думала о том, что было бы, если бы семья не переехала в Германию, и не может представить себе не жить здесь. Главное – там был бы большой дом с кошкой и собакой, а по улице бегали бы курицы. Она благодарна*

родителям, которым было очень трудно все бросить и начать жить заново. Элизе кажется, что на родине родителей были более тесными связи между людьми, но в Германии образование лучше, чем в Джамбуле. У своих детей она собирается немного развивать русский, потому что это традиция семьи.

Гильдеберту 14 лет, и он свободно понимает русскую речь, читает с ошибками, вставляет в речь немецкие слова, не стесняясь этого. Мужчины в семье предпочитают немецкий, женщины русский, и брат *«никогда говорит на русском. Я очень редко слышу от него русский язык»*. Немного путает суффиксы и окончания (*расскажи* вместо *рассказывали*, *я танцеваю* много, *очень хорошие* друзья, *это любимый фильм* мама, *она рассказывает* вот ее отца, *много рассказывает* о ее сестрах и братьях). Не всегда точен выбор лексем: *там не было много кушанья*. Русские способы выражения неустойчивы: *я отвечаю на немецкий; я в школе всегда говорю немецкий; только немножко в школе в русском язык. Когда у нас урок на русском, я там на русском говорю*. Отдельные выражения возникают под влиянием немецкого: *перед двадцать четыре лет они приехали сюда* (т.е. 24 года назад), *я не могу всё* вместо *я могу не всё*; *один друг от него; мама от бабушки; знаю песни от слуха; они были много в семье*. Числительные не склоняются: *я немножко учу маленькие дети в брейкдансе, так, семь до десять лет*. Путает род: *это была очень смешная и здоровая фильм*. Есть некоторые не вполне объяснимые ошибки: *футбол, одиннадцать... Сейчас. Одиннадцать мужики бегает в один бол и хотят впинать в гол, это мне не интересно*. С одним другом, который «тоже русский», «если мы о чем-то говорим, что другим не надо знать, мы говорим на русском»; однажды в другой стране «у нас был в доме такой старый муж [вместо *мужчина*], он немножко говорил на русском, и немножко с ним говорил». В то же время он точно знает, что он немец: *«я думаю всегда на немецком. Если на русском говорить, я думаю на немецком и потом переведу на русский»*. Мама всегда исправляет ошибки в русском, а папа чаще говорит с ним по-немецки. По-русски «читать немножко сложно, я могу, писать тоже могу, да, в школе учил», но есть цель: *«говорить и читать, писать, всё на русском хочу делать»*, потому что это умеют делать в его семье. Когда-то немножко учился рисованию в кружке, где все были «русские». Гильдеберт говорит о себе: *«Я могу быть очень добрым, много мне сказали: у меня большое сердце, а я тоже могу быть очень строгий, странный, и, да»*. Трудно сформулировать, что было бы, если бы они жили в Казахстане: *«жизнь пошла по-другому, это я думаю, и да, мы были сейчас в России, я, мои друзья, кто не знал, когда они познакомились, это было, это не так хорошо было, сейчас у меня очень хорошая дружба тут есть, да»*. Дети, возможно, будут знать русский: *«если у меня будет женщина [вместо *жена*] русская, я думаю, да, и я думаю, если нет, то немножко будет знать по русскому»*.

Мы видим, что устный русский почти правильный, но достаточно примитивный, норма неустойчива, встречаются прагматические ошибки и кальки с немецкого, однако взаимопонимание налаживается почти

полностью. Те элементы в речи, которые кажутся нам просторечными, могут быть как следствием выравнивания парадигм, так и результатом влияния региолекта, на котором говорят родственники. В речи используются немецкие слова, иногда немецкий порядок слов, порой отрицание ставится перед глаголом, как в немецком, калькируются немецкие фразы.

По свидетельству бабушек, в семье всегда приветствовалось знание многих языков. Родители вспоминают, что когда они переехали в Германию и сами не знали достаточно хорошо немецкого, то были в отчаянии, что не могут сразу включиться в германскую жизнь. Поэтому они старались способствовать изучению детьми именно немецкого, считая, что с русским они как-то справятся, если он будет нужен, во что не очень верилось. Когда произошла интеграция, все научились говорить по-немецки и спокойно решать повседневные задачи, отношение к сохранению русского изменилось. Кроме того, сформировалось представление о том, что входит в изучение языка, что значит знать язык на высоком уровне: уметь не только говорить, но и читать, писать, общаться с другими русскоязычными, знать культурный минимум. Изучение немецкого на курсах показало, как это происходит, какие приемы используются, как выполняются упражнения и т.п. В процессе того, как дети учили английский, французский и другие языки в гимназии, стало ясно, что для овладения языком требуются время, последовательность и настойчивость. Все это необходимо было применить к русскому.

Старшие дети учили русский совсем в других условиях, чем младшие: сначала в русскоязычной среде Казахстана, затем в семье, где на литературном немецком никто не говорил. Нормализация владения немецким через приобретение академических навыков в школе дала устойчивую основу для саморазвития, которое у всех пошло разными путями. Трое ходили на уроки русского языка в школе, эта учеба была в радость и дала свой результат. Две девушки занимались русским в университете. Из старших русским владеет лучше та, которая переехала в более старшем возрасте. Старшие говорят четче, младшие употребляют много лишних слов, ничего не добавляющих к содержанию высказывания, что способствует ощущению естественности речи, но несколько ее замусоривает. Если мы задаем вопросы, которые, вероятно, никогда ранее не обсуждались на русском, то можем получить ответ, который дается респондентам с трудом. В итоге оказывается, что лучше всех говорят не те, кто первые годы провел в русскоязычном окружении, а те, кто вырос в двуязычной среде, когда к поддержке русского уже относились без стресса. В данный момент все более или менее справляются с поставленными перед собой задачами, но младшие, идущие по стопам старших, делают это легче, яснее видят цель, чувствуют себя свободнее.

Список использованной литературы

1. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. М.: Прогресс, 1972. С. 25-60.
2. Менг К., Протасова Е. Трансформация культурно-языкового самосознания российских немцев в Германии // Этнографическое обозрение, 2015, № 6, 13-25.
3. Cummins J. Language, Power and Pedagogy: Bilingual Children in the Crossfire. Clevedon: Multilingual Matters, 2000.
4. Kim H.Y., Suarez-Orozco C. The Language of Learning: The Academic Engagement of Newcomer Immigrant Youth // Journal of Research on Adolescence, 2015, Vol. 25, No. 2. Pp. 229-245.
5. Meng K. Russlanddeutsche Sprachbiografien. Untersuchungen zur sprachlichen Integration von Aussiedlerfamilien. Tübingen: Narr, 2001.
6. Meng K., Protassova E. Deutsch und Russisch: Herkunftssprachen in russlanddeutschen Aussiedlerfamilien. In Publikationsserver. Mannheim: Institut für Deutsche Sprache (IDS), 2016. <http://ids-pub.bsz-bw.de/frontdoor/index/index/docId/4615>
7. Meng K., Protassova E. Young Russian-German adults 20 years after their repatriation to Germany. In: Isurin L., Riehl C.M. (eds.) Integration, Identity and Language Maintenance in Young Immigrants. Russian Germans or German Russians. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2017. Pp. 159–196.

А. Я. Минор

*Саратовский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского*

УДК 81'282.4+ 811.112.2

ЭВОЛЮЦИИ ДИАЛЕКТОВ ПОВОЛЖСКИХ НЕМЦЕВ В УСЛОВИЯХ ИНОЯЗЫЧНОГО ОКРУЖЕНИЯ

В статье сообщается об основных итогах развития языковых вариантов поволжских немцев, которые на протяжении их 250-летнего пребывания в России менялись и развивались под влиянием различных социолингвистических факторов. В результате эволюции поселенческих диалектов в новых поселениях колонистов сформировался единый язык общения.

В целях документации состояния одного из немецко-поволжских диалектов издан двухтомный словарь диалекта Екатериненштадта / Марксштадта, самой крупной немецкой колонии в Поволжье.

Ключевые слова: диалекты немцев Поволжья, единый язык общения, языковые контакты, социолингвистические факторы развития языка, иноязычное окружение.

The article reports on main results of the development of language varieties of Russian Germans, which have developed and evolved during 250 years in Russia under the influence of various socio-linguistic factors. As a result of evolution of the settler dialects in the new settlements of the colonists a common language of communication was formed.

For the purposes of documentation of the state of one of the German-Volga dialect of Ekaterinenstadt / Marxstadt, the largest German colony in the Volga region a two-volume dictionary was published.

Key words: dialects of the Volga Germans, creating a common language of communication, language contacts, sociolinguistic factors of language development, foreign language environment.